

**О нравственном смысле казусов
или жизненные апории как начала биоэтики**

Тищенко П.Д.

0. Смысл выступления предположен в поставленной теме, но ею не исчерпывается. Он доопределяется собственным смыслом самого философского выступления как экзистенциального акта, в котором в жизненно-практической форме даётся ответ на третий кантовский вопрос – «На что я могу надеяться?». Ни гносеологи, ни этики, многоаспектно обсуждая два первых вопроса, на третий внимание почти (Ю. Хабермас - примечательное исключение) не обращают, хотя и отвечают (повторюсь – жизненно-практически) на него, что называется, не приходя в само-осознание... В выступлении этот вопрос если и прозвучит, то лишь сотематически. В качестве заверения, с отсылкой на другие публикации автора. В частности, см. *Тищенко П.Д.* Голос, рождающийся на кончике пера: философско-антропологическое размышление о природе интеллигенции //Архэ. Вып.6 / Ред. И.Е. Берлянд. М.: РГГУ, 2011. С. 58 – 93. Есть в Интернете.
1. Ключевую роль в понимании темы выступления играет немодное сегодня слово «начало», взятое во множественном числе. Началом будет называться то, что одновременно принадлежит и не принадлежит мысли, но заставляет, *императивно* принуждает её к мышлению. С чего размышление начинается не по времени (тут многое зависит от случайных обстоятельств начала разговора), а по существу. Цитата Платона, если и не убедит читателя в осмысленности данного утверждения, то по крайней мере защитит своим авторитетом от поспешного отрицания: «Кое-что в наших восприятиях не побуждает наше мышление к дальнейшему исследованию, потому что достаточно определяется самим ощущением; но кое-что решительно требует такого исследования, поскольку ощущение не даёт ничего надежного... Не побуждает к исследованию то, что не вызывает одновременно противоположного ощущения, а то, что вызывает такое ощущение, я считаю побуждающим к исследованию, поскольку ощущение обнаруживает одно несколько не больше, чем другое, ему противоположное»¹.
2. В философии В.С. Библера, обращённость мысли к своим началам (парадоксам, апориям, антиномиям, трагическим амеханиям и т.д.) раскрывает идею *нравственности* как противопоставленную воплощённости её (мысли) результатов в виде *моральных* норм, правил, ценностей и т.д.
3. В своём философском истолковании феномена биоэтики я *профанирую* (в концептуальном смысле) библеровскую идею *нравственности*, заземляя её до *жизненных апорий* каждодневности. От акмеизма библеровской идеи остаётся только *апория мысли*, воплощённая не в безвыходных перипетиях на вершинах разумного постижения мира, а в *безвыходных жизненных ситуациях*, в которых из-за столкновения взаимонесогласующихся экспертных (врачебных, философских, богословских и т.д.) представлений о добре и зле остаётся *надеяться* на благоразумных профанов, на «людей с улицы (lay people)». Мы все, собственно говоря, на 99% профаны будучи экспертами в достаточно узкой области исследовательского интереса.
4. Понимание природы биоэтики опасно связывать с герменевтикой её названия. Она ни в коем случае не является прикладной этикой или особой этикой жизни, хотя бы только потому, что одновременно выступает как прикладная антропология, гносеология, юриспруденция, социология и т.д. То, к чему они все

¹ Платон, *Государство*, VII, 523b.

- «прикладываются» - это общие *проблемы* (жизненно-практические апории), выраженные обычно *естественным языком* в повествовательной форме *казуса*. Казус – изначальный жизненный факт, который с «точки зрения» экспертного сознания видится как «пример», выражение некоторой обобщённой точки зрения. Биоэтика фундаментально меж- и, даже, транс-дисциплинарна, проблемоцентрична её «материя» - казус, а не пример.
5. Проблема как связующий центр («аттрактор») множества экспертных и профанных дискурсов «в себе», с теоретической точки зрения, мной понимается как определённого рода «страдание». Тогда *императивность*, принуждающая разных людей (экспертов в «своей» области и профанов во всех остальных) совместно сотрудничать над разрешением этих проблем, можно интерпретировать в качестве деятельного *сосрадания*. Биоэтика рождается из императивного желания облегчить, к примеру, страдания пациентов, но не как телесных существ (этим занимаются врачи), а как «личностей». Врачебный патернализм, нарушая права пациентов выступать в качестве автономных субъектов, вызывает, тем самым, моральное (в широком смысле) страдание.
 6. Природа *страдания*, которое обнаруживается в основаниях жизненных апорий, порождающих биоэтику, мной истолковывается с опорой на подсказки М. Хайдеггера данные в связи с интерпретацией понятия «эпоха». См. разъяснения в книге «Био-власть в эпоху биотехнологий» М. ИФ РАН 2001. Гл. 3. §2 (С.87 – 89). Есть в Интернете. Об этом будет сказано вскользь.
 7. Постоянным продуцентом «страданий» выступает прогресс биомедицинских технологий, который втягивает человека в *пограничный режим* существования в «зонах фазовых переходов» по Б.Г. Юдину (человек – машина, человек – животное, человек до рождения и на грани смерти). В этих зонах человек *становится* иным. Возникают области неразличимости, невозможности однозначно сказать – является ли некое существо уже, ещё человеком и его нельзя рассматривать *только в качестве средства*, или же оно (это похожее на человека существо) пересекает незримую границу, очерчивающую мир человеческого существования, становясь неким фрагментом природного мира, который можно рассматривать только как средство.
 8. Теоретическая визуализация специфически понимаемого страдания в биоэтике представлена в «принципах биоэтики»: защита автономии, требование «творить добро» и «не причинять зла», требование справедливости и уважения человеческого достоинства. Эти принципы не несут конкретных предписаний. Они обозначают лишь вопросы в повестке дня, выложенные перед заинтересованными в разрешении конкретного казуса «сторонами» для совместного обсуждения. В принципах нет общего понятийного содержания, из которого можно было бы вывести верный ответ и, тем самым, превратить *казус* в *пример* этого общего понимания.
 9. Разрешение проблемы (облегчение «страдания») понимается как достижение договорённости и выражается в разработке контингентных (приноровленных к случаю – казусу) «норм». Тем самым формируется лабильная, подстраивающаяся к конкретным нуждам нормативная сеть, которая прорастает во все социальные уровни (от исследовательских институтов, больниц и профессиональных объединений до международных организаций типа Совет Европы и ООН), внося свою лепту в формирование аппаратов «мягкой власти». Био-власти и био-политики.